

Спасти Максима от редкой болезни можно только всем миром

Нет ни одной фотографии Максима в больнице – мама специально не делает их, чтобы «однажды можно было забыть навсегда всё, что с нами случилось».

Автор: Полина Иванушкина

Опубликовано 16 ноября 11 (0:05)

Статья «ПереЗАгрузка №78. Спасти от редкой болезни можно только всем миром» из номера: АИФ №46

Фото из личного архива

Уникальный ребёнок. Редкая болезнь. А способ действия – всё тот же... Мальчику, о котором я говорю, нужна ваша помощь.

Я пишу этот текст на следующий день после того, как умерла 8-месячная дочь известной актрисы - в XXI веке, в центре Москвы - от ОРВИ; в осенний сезон, когда банальная простуда, которая может обернуться страшным исходом, караулит каждого, и особенно маленьких. И оттого история Максима Россихина горит у меня в подушечках пальцев, отбивающих слова на клавиатуре. Мне страшно... Я прошу у мамы Максима, Ирины, его фотографию – не того способного мальчика, пианиста, каким он был все 11 лет, а того, который лежит сейчас в реабилитационной клинике немецкого Геештахта и не может пошевелить пальцами. Мы говорим по скайпу, она – в Германии, я – в Москве, и, хотя между нами всего 2 часа разницы, кажется, что у неё там течёт совсем другое время, иное его измерение. Ирина на экране моего компьютера качает головой: «У меня нет ни одной фотографии сына в больнице – я не делаю их специально, чтобы потом, однажды, можно было просто забыть навсегда всё, что с нами случилось». Но мы обе знаем: забыть то, что случилось, будет уже невозможно. В апреле 2011-го, в весенний простудный сезон, Максим заболел ОРВИ...

«Не был, а есть»

Максим был особенным не только для своих мамы и папы, но и для воспитательниц в детском саду, для учительниц в школе, для преподавателей в музыкалке. «Я замучилась слышать ото всех: «Ваш мальчик гений!» Для меня он был просто ребёнком. Хотя что я говорю – не был, а есть...» – Ирин голос, пока доходит до Москвы через полторы тысячи километров, искажается, дрожит, хотя я вижу, как спокойно её лицо: «Нужно убрать эмоции, иначе не справлюсь!»

Максим рано начал читать. В полтора года ясно излагал мысли. У него никогда не ломались игрушки, не рвались вещи... «Ему было два, когда однажды мы лежали вместе, и он вдруг отчётливо сказал: «Мама, знаешь, я нашёлся...» Понимаете, он, младенец, ощутил, что вот здесь и сейчас и есть его жизнь, его счастье, его место, как будто до этого он шёл к нам из другого мира и вот наконец пришёл...»

Математические курсы при МГУ. Все пятёрки в школе с тремя языками. В 7 лет Максим спрашивал: «Мама, когда я смогу записывать то, что слышу?» Он пошёл в музыкальную школу, где вскоре с ним стал заниматься композитор – Максим сам сочинял. Вальсы, этюды, что-то из джаза... Конкурсы, концерты, восторженные преподаватели. «Его музыка трогала, в ней был свет. То есть не был, а есть».

В прошлом году, весной, Максим Россихин занял первое место на конкурсе Шнитке. «Готовились выступать и в этом году, но не попали – Максим как раз лежал в коме».

Вернуться в себя

– Температура поднялась очень резко – и сразу 40, Максим горел. На 5-й день вдруг опустилась, но с сыном что-то случилось: он встал странный, не мог поднять глаз, начал заговариваться... Потом прилёг подремать, и вдруг у него пошла изо рта пена и начались судороги...

Эти судороги, которые накрывали волной, не могли потом снять ни две бригады «неотложки», ни врачи взрослой инфекционки, ни специалисты неврологического центра, куда его перевели через 10 дней - опухшего, с пролежнями и с абсолютно чистыми анализами по всем показателям.

– Максима ввели в медикаментозную кому – дали лошадиные дозы наркоза, но он продолжал реагировать на свет, бороться... Когда увеличили до максимума, он «отключился». Так надеялись «перезагрузить» мозг – это не помогало: его вводили в кому 7 раз!

Через месяц врачи сначала на ушко, потом официально сказали родителям, что не подтверждается ни один диагноз, почки и печень отказывают...

– И в один и тот же день наши врачи предложили нам хоспис и раздался звонок из Германии, куда мы отправили документы: там освободилась койка в клинике, где работали специалисты, которые брались за Макса.

У Максима Россихина, заболевшего ОРВИ, оказался синдром FIRES (в переводе «пожар»), развившийся из вирусной инфекции. И это был 78-й случай на планете – и 1-й в России. ...В первый день в Германии Макса вывели из комы. На второй – спасли печень и почки. На третий поставили шунт в черепе, чтобы снизить давление ликвора на головной мозг. Через неделю Максим пришёл в сознание...

– Он начал сидеть – сначала по 40 минут, теперь по 6 часов, уже хочет вставать. Говорить не может, так как стоит трахеостома. Чтобы сказать да, Максим моргает 2 раза... Он всё ещё накачан препаратами, как будто оглушён пыльным мешком, очень часто «уплывает», уходит в себя...

Сейчас Максим с мамой, уже выписанные из нейрорепедиатрии, переведены в реабилитационную клинику. Деньги на лечение в ней вот-вот подойдут к концу. А пока физиотерапевт разминает Максую контрактуры рук и ног, логопед разрабатывает речь, музыкотерапия вызывает мальчика к жизни...

– На днях я подошла к нашему врачу, чтобы получить честный ответ – вегетатики мы или нет. Она сказала: нет. Слава богу! Потому что, если нет надежды, немцы не будут давать ложных обещаний... Статистика по нашему диагнозу такова: есть те, кто остался «овощем», но есть и те, кто пошёл в школу. Я верю, что у нас всё получится... Иначе всё было бы бессмысленно.

Я так и не увижу фотографию Макса – такого, какой он сейчас, ушедшего в другое измерение и изредка выныривающего из него – наверное, чтобы про себя прошептать: «Мама, я потерялся и хочу снова найтись!» Я знаю, что курс лечения Максима Россихина стоит 12 500 евро в месяц, и таких месяцев нужно 12. Ещё я знаю, что этих денег у Россихиных нет. И ещё – тоже верю, что Максим не был, а есть. Иначе всё бессмысленно, да?

Фонд «АиФ. Доброе сердце» начинает сбор 150 тыс. евро для лечения Максима Россихина.